

Прохладный морской ветер свистел, волны одна за другой с грохотом обрушивались на берег. Поцелуй Кролика был подобен морской волне: глубокий, неистовый, удушающий, наполненный сильнейшей жаждой обладания. Его пальцы скользнули с подбородка Е Цзы на затылок. Он с силой сжимал голову Е Цзы, целуя так, словно хотел отнять у него весь воздух, словно желал поставить раскалённое клеймо.

Е Цзы должен был ударить Кролика кулаком. Но он этого не сделал. Не должен был ничего чувствовать, но, когда Кролик коснулся его губ, раздражение и гнев в груди Е Цзы мгновенно улетучились. Иной, незнакомый импульс забурлил в нём, он никогда прежде не испытывал подобного. Чувство было чуждым, немного пугающим, но в то же время необъяснимо знакомым. Он с ужасом обнаружил, что испытывает к поцелуям Кролика глубокую, пронизывающую до самых костей тягу. Эта тяга лишала его воли к сопротивлению, отрезала пути к отступлению — или, вернее сказать, его собственные инстинкты не позволяли ему сбежать.

Кролик прижал его к твёрдой скале, прильнул и целовал снова и снова. Временами рассудок возвращался к Е Цзы и он пытался увернуться, но губы Кролика неизменно настигали его, и вскоре их языки вновь сплетались. Случайные, неосознанные ответы Е Цзы явно успокаивали Кролика. Постепенно движения Кролика сменились с первоначальной дикости на нежность — предельную нежность, словно он касался хрупкого фарфора.

Лунный свет лился с небес. Светлые волосы Кролика, почти белые в этом сиянии, выбивались из-за ушей. А ресницы, находившиеся совсем близко, слегка подрагивали, словно крылья цикады. Сам того не замечая, обессиленный Е Цзы сполз по скале на землю, а Кролик присел перед ним на корточки, держа его лицо в ладонях и без устали продолжая его целовать.

В конце концов Е Цзы так ничего и не спросил. Когда он вернулся в отель, было уже полпервого ночи. Он очень, очень устал и быстро заснул. Ему снился закат. Он пришёл на пляж один. Кролик босиком стоял чуть поодаль, глядя на красное солнце, погружающееся в море. Тысячи морских птиц парили в вышине, колыхалась бескрайняя оранжево-красная рябь. Этот пейзаж напоминал огромную картину, написанную крупными мазками.

— А-Цзы, ты слышишь? — донёсся голос Крлика. — Это голос моря, оно зовёт нас. Идём, идём же, идём.

Кролик обернулся, с нежностью посмотрел на Е Цзы и протянул ему руку. Его силуэт был полностью окрашен багрянцем заката:

— Идём, а-Цзы. Давай вот так, держась за руки, уйдём в морскую глубину, шаг за шагом, словно следуя зову. А-Цзы, знаешь, люди истлевают за жалкие несколько десятилетий, а природа обладает почти вечной жизнью. Давай сольёмся с природой, станем её частью, хорошо? Так мы будем вместе вечно... В тот миг, когда всё закончится, мы обретём бессмертие.

Когда Е Цзы проснулся, он плохо помнил, что ему снилось. Не прошло и полминуты, как он вспомнил вчерашний поцелуй, и его лицо вспыхнуло краской. Боже мой, поверить невозможно. Что вообще происходит? Кролик — парень, младше на четыре-пять лет, а он не отказался, не сопротивлялся, не ударил его... Вчера вечером они... целовались по меньшей мере полчаса?!

Е Цзы заставлял себя забыть о том, что случилось накануне, однако, когда он умывался и смотрел в зеркало, о случившемся напоминали слегка припухшие губы. Стоило ему задуматься, как он невольно касался губ, а потом отдёргивал пальцы, словно от удара током. В разговорах был рассеян, и стоило заезваться, как в памяти всплывало всё произошедшее.

Е Цзы намеренно избегал Кролика. Завидев фигуру парня, он тут же уходил. Он чувствовал, что с ним что-то не так. Разум подсказывал: нужно пару дней держаться подальше от Кролика, и всё вернётся в норму. Ему приходила мысль отвлечься, начав встречаться с Таоцзы, но он тут же вспомнил слова Кролика — и у него разболелась голова. Ради безопасности окружающих лучше пока ни с кем особо не сближаться.

Ему удавалось успешно скрываться полдня, но вечером Е Цзы всё же снова увидел Кролика: все собрались играть в маджонг, и не пойти было бы некрасиво. В этот раз игра особенно нравилась девушкам: проигравший должен был признаться кому-то в любви самым романтическим способом. Насчёт «самого романтического» правила оговорили расплывчато, выполнить задание было несложно. Один парень просто подобрал ракушку, подарил её, добавил: «Ты мне нравишься», — и дело в шляпе.

Конечно, чем дальше, тем больше игра превращалась в балаган. Староста группы прямо повалила Таоцзы, поцеловала её в щёку и призналась в любви. Их фото мгновенно улетело в соцсеть университета, наверняка став очередным хитом обсуждений.

Вскоре случилось то, чего все так ждали: Кролик проиграл. Даже девушки, игравшие в мяч неподалёку, сбежались и с нетерпением смотрели на него, гадая, кому же он признается. Даже если это просто шутка, признание от такого красавчика — точно удача. Если записать на диктофон, под этот голос можно залипать неделю. А если видео — пожалуй, и месяц.

Е Цзы очень хотелось уйти. Он чувствовал, что Кролик признается ему, — и боялся этого! Ему было бы невероятно неловко, стыдно... Однако на самом деле — и он ненавидел себя за это — в глубине души он даже немного ждал такого поворота!

Кролик улыбнулся и спросил:

— Какое признание вы хотите увидеть?

Девушки тут же загомонили:

— М-м... не такое, как было... нужно... очень-очень романтическое, изысканное...

— Эй, не усложняйте ему жизнь!

— Пусть будет сладкое!

— Очень-очень сладкое...

— Слишком много требований — как по мне, оно должно быть трогательным.

— Ну тебя, это самое сложное...

Кролик немного подумал и сказал:

— Моё будет попроще: стихотворение.

— Стихи? Здорово! Чьи? На английском или на китайском?

— На французском.

— Ты ещё и французский знаешь... Можно сначала на французском, а потом на китайском?

— Хорошо.

Наконец шум стих, и Кролик начал. Он опустил ресницы, губы его чуть шевельнулись, и он тихо произнёс:

Sur toutes les pages lues

Sur toutes les pages blanches

Pierre sang papier ou cendre

J'écris ton nom

Хотя никто не понимал ни слова по-французски, голос юноши звучал поистине прекрасно: очень чисто, мягко, плавно. Когда он закончил читать по-французски, толпа, хоть ничего и не поняла, восторженно зашумела. Однако, услышав китайскую речь, все притихли.

На всех прочтённых страницах,

На всех пустых листах,

Камне, крови, бумаге и пепле

Я имя твоё пишу.

На откровеньях ночи,

На белом хлебе дня,

На первых днях обручения

Я имя твоё пишу.

На приютах разбитых,

На рухнувших маяках,

На стенах тоски и скуки

Я имя твоё пишу.

В моём сердце,

В моём прошлом, настоящем, будущем,

В самой моей душе,

Под натиском смерти —

Я имя твоё пишу.

Произнося стихи, Кролик медленно поднял голову и уставился на Е Цзы светлыми глазами, в которых влажно мерцали блики. Сердце Е Цзы бешено колотилось. Ему хотелось немедленно сбежать, но он не мог даже пошевелиться. На самом деле, он хотел слушать дальше. Он хотел, чтобы это длилось вечно, — слушать и слушать... Кролик продолжил, чуть повысив голос, но теперь говорил ещё медленнее, ещё выразительнее:

И мощью его и властью

Я вновь начинаю жить,

Рождённый, чтоб знать тебя,

Чтобы тебя назвать

А-Цзы.

Когда стихотворение закончилось, тишина висела не меньше десяти секунд, прежде чем все разразились криками «Вау!», а многие девушки завизжали от восторга. Е Цзы не понимал, чему они радуются, не мог осмыслить, какой эффект произвели последние два слова. Он резко встал и ушёл.

Хотя уже стояла ночь, ему казалось, что он идёт под палящим солнцем. Тело горело, в голове было пусто. Он изо всех сил пытался подавить нахлынувшие чувства. Но они были неконтролируемыми, необъяснимыми: стыд — и радость, страх — и волнение. Кровь в жилах бурлила, казалось, расширялась каждая клетка, а нервы наконец расслабились — словно Е Цзы уже очень давно ждал именно таких эмоций.

Войдя в номер и сев на кровать, он машинально вытер щёку рукой — и с удивлением обнаружил, что лицо залито слезами. Просто необъяснимо!

Он включил телевизор, бездумно пощёлкал каналы, выключил. Взяв телефон, Е Цзы обнаружил, что ящик переполнен входящими от Кролика, и сообщения продолжали приходить: каждые две-три минуты — новое.

Небрежно отбросив телефон, Е Цзы велел себе успокоиться: Кролик — парень, к тому же весьма опасный безумец. С ним ни в коем случае нельзя связываться, нельзя ослаблять

защиту, нельзя принимать его, не следует поддаваться этим странным, непонятным эмоциям.

Внезапно дверь открылась.

— Сяо Чжэн, вернулся? — бросил он не глядя.

Парня, который жил с ним в одном номере, звали Чжэн. Вошедший не отвечал, приближаясь тихими шагами. Словно почувствовав что-то, Е Цзы резко вскинул голову — и широко распахнул глаза:

— Ты... как ты...

— Я поменялся комнатами с Чжэн-гэ.

— Меняйся обратно!

Кролик спросил, подходя всё ближе:

— Ты не читал сообщения, которые я отправил?.. Я набирал тебя 15 раз и послал 60 сообщений. Почему ты не смотришь? Почему ушёл? Не понравилось моё признание? Не понравились мои поцелуи? Тебе противно? Неприятно? Ты правда всё ещё думаешь, что Таоцзы лучше?

Голос Кролика оставался очень, очень мягким, но вопросы были острыми, давящими, а глаза тонули в мрачной тени, так что выражения лица было не разобрать. Спустя мгновение он продолжил:

— Скажи, а-Цзы, что мне сделать, чтобы ты остался со мной? Чтобы выбрал меня? М?

— Не подходи! — нахмурился Е Цзы.

— Не подходить? — Кролик вдруг улыбнулся.

В следующее мгновение Кролик толкнул его на кровать. Заплясали лёгкие занавески, за окном слышался шёпот морских волн и стрекот цикад. Глаза Кролика были тёмными и глубокими. Он спросил:

— Знаешь, куда ты смотрел с того момента, как я вошёл?

— Куда?

Кролик указательным пальцем слегка коснулся собственных губ:

— Сюда.

Лицо Е Цзы мгновенно вспыхнуло, он отвёл взгляд:

— Перестань шутить.

— Тебе ведь было приятно целоваться со мной, правда?

— Как такое возможно?! — Е Цзы перевернулся, пытаясь сесть, но Кролик потянул его за руку,

и в следующее мгновение уже Е Цзы оказался лежащим поверх Кролика. Светлые волосы рассыпались по белоснежной простыне, открыв чистый лоб. Расстояние между ними было ничтожно малым. В этот миг рассудок Е Цзы снова испарился без остатка. Его взгляд почти бессознательно скользнул к губам парня — тонким, бледным, с очень красивым изгибом. Но как ни красив этот человек, он всё равно мужчина! Е Цзы только хотел приподняться, как уголки губ Кролика дрогнули в улыбке. В следующий миг его воротник потянули вниз...

На этот раз Е Цзы не сопротивлялся, не уворачивался. Более того, спустя всего пять минут поцелуя сам начал проявлять инициативу. Лишь потому, что в перерывах между поцелуями Кролик тихо звал его по имени. Поэтому, когда соединялись их губы и дыхание, под непрерывный стрекот цикад, то стихотворение словно звучало у него в ушах, снова и снова, разглаживая всю тревогу и раздражение в его сердце.

И мощью его и властью

Я вновь начинаю жить,

Рождённый, чтоб знать тебя

Чтобы тебя назвать...

Примечание переводчика. Кролик читает стихотворение Поля Элюара (Paul Éluard) (1895-1952)

Свобода

На школьных моих тетрадях,

На липовой коре,

На зыбком песке, на снеге

Я имя твоё пишу.

На всех прочтённых страницах,

На всех пустых листах,

Камне, крови, бумаге и пепле

Я имя твоё пишу.

На золочёных рамах,

На винтовках солдат,

На королевской короне

Я имя твоё пишу.

На джунглях, на пустыне,

На гнёздах, на кустах,

На каждом эхе детства

Я имя твоё пишу.

На откровеньях ночи,

На белом хлебе дня,

На первых днях обручения

Я имя твоё пишу.

На клочьях моей лазури,

На заводи, солнце, мхе,

На озере лунной ртути

Я имя твоё пишу.

На нивах до горизонта,

На быстрых крыльях птиц,

На мельнице светотени

Я имя твоё пишу.

На каждом блеске рассвета,

На море, на кораблях,

На безумной горной вершине

Я имя твоё пишу.

На рыхлой пене тучи,

На смертном поте грозы,

На затяжном ненастье

Я имя твоё пишу.

На всех сверкающих формах,

На колоколах цветов,

На истине бесспорной

Я имя твоё пишу.

На петляющих тропинках

На торных прямых путях,

На уличных столпотвореньях

Я имя твоё пишу.

На лампе, во тьме зажжённой,

На лампе, потухшей к утру,

На всех моих приютах

Я имя твоё пишу.

На яблоке, разделённом

Между зеркалом и жильём,

На пустой моей постели

Я имя твоё пишу.

На псине моём, гурмане,

На острых его ушах,

На лапе его неуклюжей

Я имя твоё пишу.

На трамплине порога,

На знакомых вещах,

На пламени благословенном

Я имя твоё пишу.

На всякой познанной плоти,

На лицах моих друзей,

На каждом рукопожатье

Я имя твоё пишу.

На окне, в котором чудо,

На внимательных губах,

За чертою молчанья

Я имя твоё пишу.

На прибежищах разбитых,

На рухнувших маяках,

На стенах тоски и скуки

Я имя твоё пишу.

На полном равнодушьи,

На голом сиротстве моём,

На похоронных маршах

Я имя твоё пишу.

На вернувшемся здоровье,

На покинувшей беде,

На беспамятной надежде

Я имя твоё пишу.

И мощью его и властью

Я вновь начинаю жить,

Рождённый, чтоб знать тебя,

Чтобы тебя назвать,

Свобода.

Перевод: Ольга Александровна Седакова.

<http://bllate.org/book/14916/1575449>